

Неделя - 1992 - июль (№ 30) - с 10

«Талант нужно беречь. Ему нужно многое прощать. Гибель таланта — это ужасно. А у Полины настоящий талант: полный набор пианистических способностей без изъяна — великолепный слух, гибкие, ловкие руки, не знающие технических сложностей, артистизм, великолепная память, способная «держать в форме» огромный репертуар, природное ощущение музыки, а главное — заразительность: она умеет проникнуть в суть музыки и зажечь, увлечь музыкой других». Из диалогов с преподавателем музыки Мариной Вениаминовной Вольф.

«Спрашиваете, почему никто не вмешался, не помог, не забил тревогу и не отнял девочку-вундеркинда у отца-злодея? Скажу. Всем лень. Просто лень. И плевать, плевать на чужую судьбу». Из диалогов с пианисткой Полиной Осетинской.

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ семилетняя девочка-эльф за фортепиано играет сложнейшие произведения Дебюсси, Скрябина, Шопена, пальцы бегают по клавишам с необычайной легкостью, на лице улыбка ангела. И в заключение концерта взрыв аплодисментов, восторги зала. «Браво! Бис!» — и улыбающееся за сцену воздушное розовое платье.

В артистической поклонников юного таланта ожидает главный персонаж вечера — бородатый Карабас-Барабас — Олег Осетинский, он же отец чудо-пианистки, он же автор сценария известного телесериала «Михайло Ломоносов», а также единственный педагог своей дочери Полины. Расторопные пожилые дамы интересуются: «Кто же тебя научил так хорошо играть, девочка?» Хлопая красивыми глазами и поворачиваясь во все стороны, Мальвина говорит: «Это все папа. Я занимаюсь с папой... папа... папа...».

Триумфальное шествие по концертным залам развивается по нарастающей: Тбилиси, Алма-Ата, Таллинн, Ярославль, зал Капеллы в Ленинграде и, наконец, в «Правде» фото — Полина играет концерт № 23 для мажора Моцарта для фортепиано с оркестром в Большом зале Московской консерватории. Восторженные отзывы прессы, выступления на телевидении, внимание зарубежных телекомпаний...

Итак, перед нами вундеркинд, но вундеркинд несколько непривычный, противопоставляющий себя музыкально-педагогическому официозу. Олег с нескрываемым презрением говорит: «Я ее этим музыкальным счетоводом не отдам». Под «музыкальными счетоводами» он подразумевает всех педагогов из любых ДМШ, ЦМШ, вузов, консерваторий и иже с ними. Он же, маэстро Осетинский, не играющий ни на одном инструменте, не знающий ни одной ноты, готов гордо бросить перчатку всем этим зубрилам, буквоедам, гаммограбителям... И, судя по всему, в чем-то он прав: девочка играет прекрасно. Хотя, конечно, можно говорить о недостаточной отделке деталей, о кое-каких ляпах, нечистых нотах...

Выступления с оркестром — конек юной пианистки. В восемь лет Полина записала концерт Баха на литовском телевидении под управлением Саулюса Сондецкиса: уж его никак не заподозрить в том, что он мог капитализировать перед напором доморощенного импресарио Олега Осетинского. Исполнение было первоклассным и без всяких скидок на юный возраст солистки.

Что же это? Может быть, действительно Олег Осетинский владеет секретом воспитания музыкальных гениев?

...Обычную комнату обычной московской квартиры занимает большой рояль, как всегда, забитый нотами. «Сегодня ты должна сыграть сонату 3 раза медленно, 3 раза средние, 1 раз очень быстро. Потом перейдешь к Равелю». И маэстро оставляет ученицу наедине с кипой нот. Она проигрывает с начала до конца, и еще раз с начала до конца, все, что лежит на рояле, ни одной фразы не выделяет, чтобы разучить отдельно, ни к чему вновь не возвращается.

Полина рассказывает: «Все началось с музыкальной школы возле дома: там мне показали ноты. Потом я начала играть «Форель» Шуберта, «К Элизе» Бетховена. Это были вещи первого года, мне было шесть лет. Отец сразу забрал меня из школы, и я начала учить с пластинок, глядя в ноты, так сказать, «вполглаза».

Вот и вся педагогическая система воинствующего дилетанта Осетинского, система без постановки рук, без нот, без показов и объяснений. Генеральный принцип системы: «Не встанешь, пока 100 раз не сыграешь». И — лавры незаурядного педагога, цветы, рецензии, интервью, всеобщий восторг и блестящие проекты совместно с французским, шведским и тму-тараканским телевидением.

«Однако, — скажет любопытствующий голос из зала, — все-таки ведь кто-то помогал, направлял, ну не могла же она сама, ведь концерты Баха и Сен-Санса —

это все-таки не «Детский альбом» Чайковского?»

Нет, Полина до 12 лет была в полном музыкальном одиночестве. И придется все-таки признать, что ее феноменальные успехи объясняются исключительно ее редкой одаренностью, и ничем больше... Поневоле вспомнишь слова Марины Вениаминовны Вольф, нынешнего педагога Полины, которая говорит: «Вундеркинд — это раннее проявление интенсивной духовной жизни». Духовной жизни Полины Осетинской, Жени Кисина, Стефана Милленковича, а не их педагогов.

НИЧТО не вечно под луной. 200 концертов в год, крайняя небрежность в музыкальных занятиях и глубокое одиночество девочки-вундеркинда становились ей в тягость все более и более. Как морщины на портрете Дориана Грея, стали выступать на свет божий бесчисленные фальшивые ноты, импровизации на темы великих классиков, все более волновые (неизбежное следствие игры по слуху) нача-

Полина и «КАРАБАС»

ли возмущать требовательных меломанов... Да и переходный возраст не только укоротил розовое платье и согнал с лица невинную улыбку эльфа — он унес вместе с детством и покоряющую убедительность и непосредственность игры, ее сказочную легкость и аромат младенческой наивности...

Но девочка делала полные сборы, с директорами филармоний маэстро Осетинский быстро находил общий язык, да к тому же все знают, что характер у него, мягко говоря, непростой, Полину он никому не отдаст, и потом, у него родительские права, на его стороне закон.

Между тем тучи явно сгущались. Заволаговывалась музыкальная общественность: частые выступления в лучших филармонических залах и по телевидению самоуверенных дилетантов, искажающих классиков, и, главное, нещадная эксплуатация одаренного ребенка, лишенного профессионального образования, заставили высказаться многих известных музыкантов — Г. Рождественского, Е. Светланова, М. Плетнева.

Однако маэстро Осетинский не собирался так просто сдаваться: «Обругали в газете? — Враги и завистники». «Возмущаются педагоги? — У них бездарные ученики, а сами они ничего не умеют».

Нас ждет Америка, Европа, у нас контракты с Италией, Испанией. А сейчас мы оформляемся по приглашению Гетти, он самый богатый человек в мире, ему и наш Фонд культуры не может отказать. Вот она, тайная мысль — увести Полину, откуда она еще окончательно не вылезла из детского платья (пришлось-таки сшить другое, из светлоголубого атласа, и вытаски видны под грудью, черт возьми!), подсунуть ничего не смыслящим в музыке миллионерам розового эльфа, чудо-девочку, а там... Может, и удастся положить на счет кругленькую сумму, да и Полина бы себя надолго обеспечила...

Судьба, кажется, была не слишком сурова — по приглашению Гетти все оформили, даже билеты уже есть. И тут... Случилось непредвиденное.

Конечно, ясно, что остро не хватает еще одного из главных действующих лиц — матери, она почему-то в тени; рассталась с отцом, когда девочка была еще маленькой, а потом он, естественно, не выражал особого энтузиазма по поводу встреч разлученных матери и дочери.

Итак, Диккенс ожил в России XX века: грубый, тяжелый на руку отец, слабая, нежная мать, совершенно бесправная и боящаяся мужа, и объект жестокой эксплуатации — невинное талантливое дитя.

Для Полины пришло время выбора. И вот она — как вить из распуты: отъезд в Америку — это безусловный, предпринятый провал и потеря всего — музыки, профессии, возможности учиться. Да и права отца, наверное, там тоже не звук пустой. Но можно ведь и не ехать, опоздать, заболеть, что-то придумать... И что дальше? Опять третьеразрядные концерты, позор, на коллег-музыкантов глаза не поднимать и, главное, потери — невосполнимые потери времени... Остается одно — бежать! Но куда, к кому? В Москве отец из-под земли достанет, значит — Ленинград, друзья здесь как будто есть.

Настал решающий день 6 декабря, концерт в Ленинградском зале Капеллы. Кон-

человеческая комедия

церт не состоялся... Полина исчезла. На следующий день Невзоров в программе «600 секунд» предъявил миллионам зрителей Полину, которая произнесла с экрана: «ПРОШУ МОЕ ИМЯ С ИМЕНЕМ ОТЦА БОЛЬШЕ НЕ СВЯЗЫВАТЬ».

Побег был единственным шансом судьбы, единственным спасением, которым Полина обязана только себе самой.

ОДНА, совсем одна в зимнем Петербурге. Еще вчера — персона гратта, гостиница «Европейская», подарки и блестящие планы, а теперь никакая не персона, а очень частное и заброшенное лицо.

Все музыкальные спецшколы для особо одаренных детей не спешат проявлять запоздалый интерес — время упущено. Талант, конечно, был, а может, еще и есть пока, но что толку? Руки «вывернуты наизнанку», вкус ужасный, да и засталась, наверное, девочка.

Что ж, опасения вполне обоснованные. Но мир не без добрых... и умных людей. Самой смелой и мудрой, как черепаха Тортилла, оказалась пожилая петербургская дама Марина Вениаминовна Вольф. Ее прекрасно знают в школе — опытный, мастеровый, педагогическое чутье, блестящие ученики — Станислав Иголинский, Павел Егоров — и теперь Полина...

Марина Вениаминовна вспоминает: «Когда я раньше слушала Полину, то было ясно, что девочка одаренная, но это было свинское отношение к музыке, эдакое жлобское презрение к гениям: «Что, мол, мне Моцарт?» — и нещадная эксплуатация, эксплуатация на износ природных данных. Еще год — и он бы загубил ей руки».

Начали мы с нуля. Стало ясно, что невозможно сыграть то, что написано в нотах, без вранья и чудовищных искаже-

ний. Каждые пятнадцать минут приходилось отдыхать, рояль не звучал. Признаться, я тоже побаивалась «звездной болезни», но, к моему удивлению, — ни следа: контактная, добрая, умная девочка, совершенно не развращенная и не зазнайка, схватывает мгновенно».

Еще недавно — лучшие гостиницы, на обед угри маринованные и шампанское для маэстро Осетинского в ведерке со льдом... Прямо из ресторана он — на теннисные корты, Полина — в зал филармонии.

А сейчас интерьер, действительно, не бог весть какой: две кровати, один шкаф, стол у окна, иногда из угла в угол пробегают крысы. Только пианино напоминает о том, что это обитель юных муз, общежитие средней специальной музыкальной школы при Санкт-Петербургской ордене Ленина консерватории.

И теперь свободная Полина варит картошку на электрической плитке на подоконнике, кипятить чайником подогрывает чай, и если пианино в комнате не занято, своей энергичной игрой распушивает крыс.

Теперь у Полины есть главное — друг, учитель, советчик... и защитник. Трудно поверить, но интеллигентная пожилая дама не боится безумных выпадов Карабаса-Барабаса, а он звонит, угрожает: «Я тебе, старая... ноги переломлю!»

ПРОШЛО три года с тех пор, как Полина сделала свой выбор. «Пока надо воздерживаться от чрезмерных восторгов», — считает Марина Вениаминовна, — но уверенность уже есть: самое опасное позади».

И действительно, несмотря на многие трудности, музыкальная Фортуна не отвернулась от Полины: недавно она выступала в Бремене на открытии одного из концертных залов, играла в Вашингтоне в составе группы молодых музыкантов из России.

Нетрудно предвидеть реакцию на эти радостные известия: «Останется! Наверняка! Дадут какую-нибудь стипендию — будет жить без крыс и со своим роялем». Не скроем — было предложение одного видного профессора из Германии учиться у него — отказалась, приехала обратно, в обветшавший и безудержно подорожавший Петербург — к своей родной и незаменимой Марине Вениаминовне.

Итак, теперь можно сказать, что сказка про Великого педагога, способного из любого ребенка сотворить музыкального гения, пришла к благополучному концу.

При этом, как и подобает злему волшебнику, маэстро Осетинский бросил семя в нашу хорошо подготовленную почву, где каждый мечтает получить на своем нищем огороде конвертируемый «зеленый» росток. Не успела Полина за эти годы встать на ноги и избавиться от злых чар, как ей на смену поспешили все новые и новые маленькие виртуозы, опекаемые уже не только родителями, а акционерными обществами, центрами, фондами и другими фирмами, которые волнуются лишь об одном — надо как можно скорее показать Западу российских вундеркиндов, и чем больше, тем лучше. Слава Богу, наше музыкальное образование пользуется таким авторитетом...

Марина Вениаминовна вспоминает: «В 30-е годы все удручалось, а исполнительское искусство расцвело. Вот тогда и открыли специальные музыкальные школы, большие надежды возлагали на них. Только у нас, единственных в мире, есть такое блестящее детское музыкальное образование. При такой школе и талант, к слову сказать, не слишком обязателен».

У играющих «выездных» детей естественным образом появились и валютные педагоги, занимающиеся развитием техники, да такой, что в пору в шпательную розетку включать — будут играть; здесь же и валютные родители, поправляющие розовую ленточку перед выходом на сцену. Коллективный же Карабас-Барабас, он же — фирма, организующая поездки, может лишь скромно кланяться и принимать поздравления.

Но такое невинное и естественное желание ездить и играть, к сожалению, вполне далеко не всегда: дело за малым — чтобы музыкальный талант не иссяк, не потускнел... С годами же, увы, становится ясно — кому Богом дано, а кто умной статистикой научен. Опасность велика — по статистике лишь 10 процентов вундеркиндов становятся выдающимися музыкантами...

Но центры и фонды, жаждущие поддерживать юные таланты, как известно, не Ванги, не ясновидящие, и гарант блестящей карьеры не дают — ни к чему, ведь появятся новые перспективные дети.

Что же музыкальная общественность? Почему не берет под свою опеку все эти многочисленные ассоциации, фонды и центры, занимающиеся бизнесом в сфере детского профессионального музыкального искусства? Ответ прост: музыку заказывает тот, кто платит.

Дина КИРНАРСКАЯ.
Фото Хйса Мати.